

10. Старцева И.А. Художественный мир Арсения Тарковского: (Онтологическая проблематика и предметно-смысловая структура). Дис. канд. ... филол. наук. – Ташкент, 1996.

11. Суханова Т.Б. Мифопоэтическая семантика в лирических текстах А.А.Тарковского. Дис. канд. филол. наук. – Харьков 2004.

12. Тарковский, А. Собрание сочинений: в 3 т. Т 1. Стихотворения / А. Тарковский. – М.: Художественная литература, 1991. – 462 с.

13. Филькин, В. Ю. «Мифопоэтика музыкального инструмента в лирической книге А. Тарковского «Вестник» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://journals-altspu.ru/5-floor/article/view/1226>. – Заглавие с экрана.

14. Филькин, В. Ю. «Мифопоэтика числа в лирической книге А. Тарковского «Вестник» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://journals-altspu.ru/5-floor/article/view/802>. – Заглавие с экрана.

15. Черненко М.М. Поэзия Арсения Тарковского: Диалог культур и времен. Дис. канд. ... филол. наук. – Киев, 1992.

Л.Д. Хабарова
Россия, г. Барнаул,
КГБОУ «Алтайский краевой педагогический лицей-интернат»
Научный руководитель: учитель литературы Е.Е. Волкова

ОБРАЗ «ЖИВОГО» В РАССКАЗЕ «ЧИСТЫЙ ЛИСТ» Т.Н. ТОЛСТОЙ

Аннотация

Цель доклада – исследовать образы внутреннего мира героя Игнатьева в рассказе «Чистый лист». Объектом исследования является творчество Татьяны Толстой, а предметом – образ «Живого» составляющего души персонажа. В работе мы использовали следующие методы: описание характеристики внутреннего мира героя, сравнение и сопоставление составляющих души персонажа, а также структурно-семиотический метод. Новизна исследования – более углубленное изучение рассказа «Чистый лист» Т.Н. Толстой.

Ключевые слова: “Живое”, “Тоска”, внутренний мир персонажа, Татьяна

Толстая.

В центре рассказа «Чистый лист» находится Игнатъев - персонаж, проживающий рутинную жизнь обывателя и страдающий от целого ряда проблем. Он переживает за своего вечно болеющего сына и мучается виной перед «святой женой» и неразделенной любви роковой Анастасии, от не покидающих ни на минуту тревожных мыслей. День героя наполнен бытовыми заботами, а ночью быт уходит на второй план, а всё действие разворачивается в некоем внутреннем мире Игнатъева: «Запертые в его груди, ворочались сады, моря, города, хозяином их был Игнатъев, с ним они родились, с ним были обречены раствориться в небытии. ...Жители, окрасьте небо в сумеречный цвет, сядьте на каменные пороги заброшенных домов... Очаги заброшены, и зола остыла, и трава пробивается между плит там, где шумели базарные площади. Скоро в чернильном небе взойдет низкая красная луна, и, выйдя из развалин, первый волк, подняв морду, завоюет, пошлет одинокий клич ввысь, в ледяные просторы, к далеким голубым волкам, сидящим на ветвях в черных чащах чужих вселенных.»

Почти сразу мы узнаем, что пребывание в этом внутреннем мире болезненно для персонажа, тому виной Тоска: «Каждую ночь к Игнатъеву приходила тоска. Тяжелая, смутная, с опущенной головой, садилась на краешек постели, брала за руку — печальная сиделка у безнадежного больного. Так и молчали часами — рука в руке.» Тоска разрушает хрупкое устройство «внутреннего города Игнатъева» взмахами рукавов: расстилает бескрайнюю каменистую пустыню, заставляет выплывать корабли с пьяными матросами, воспроизводит манящий образ роковой и недоступной Анастасии.

Однако разрушение меняется на созидание, когда появляется Живое: «Но еще не все убиты: под утро, когда Игнатъев спит, откуда-то из землянок выходит Живое; разгребают обглоданные бревна, сажает маленькие ростки рассады: пласт-массовые примулы, картонные дубки; таскает кубики, возводит времянки, из детской лейки наполняет чаши морей, вырезает из промокашки розовых пучеглазых крабов и простым карандашом проводит темную извилистую черту прибора.» Отметим, какими материалами орудует Живое: пластмасса, картон,

детская лейка, кубики, промокашка, простой карандаш. Всё это показывает некую наивную простоту Живого. Оно как будто глазами неиспорченного ребёнка смотрит на разрушенные города и всеми силами старается устранить страшные последствия прихода Тоски. Живое пытается восстановить город, но настоящих (оригинальных) материалов нет, а есть те, которые будто из набора для детского творчества. Отсюда кажущееся неравенство сил: настоящей чуме, разрушениям и смерти противостоит детский, как будто игрушечный мир жизни.

Интересна взаимосвязь Живого и земли: «откуда-то из землянок выходит Живое». Землянка, по словарю Ефремовой, — «Выкопанное в земле жилище, укрытие (иногда выступающее над поверхностью)» [1, 370 с.]. Почему Живое переживает приходы Тоски именно в землянке, а не в каком-либо другом укрепленном сооружении или, наоборот, в кроне деревьев или в облаках? Можем предположить, что Живое напрямую связано с природой, как с олицетворением жизни. Оно подобно Антею из древнегреческого мифа об одном из подвигов Геракла - берёт силы от земли, поэтому и место, откуда оно выходит (и вероятнее всего обитает) устроено в земле. Кроме того, в некоторых русских сказках горсть родной земли имела особое значение, давала силу богатырям, что исключает возможность пребывания Живого в месте, не соприкасающемся с ней. Опять же, одно из значений слова — укрытие, значит Живое прячется от разрушительного действия Тоски именно внутри, уходит вглубь внутреннего мира.

Тоска и Живое — существуют исключительно во внутреннем мире Игнатьева, в одном и том же измерении и времени, при этом между собой они не сталкиваются, действуют не одновременно, а по очереди, вследствие чего между ними не происходит конфликтов или договоренностей и соглашений.

И Тоска, и Живое имеют общий способ именования, а именно написание слова с заглавной буквы. Можем сделать вывод, что это своеобразные имена, а Тоска и Живое полноценные действующие персонажи, доступные, однако, только внутреннему взору Игнатьева, тем не менее очень антропоморфные. У Тоски нет тела или какого-либо другого физического осязаемого проявления, это не дух или призрак. Однако её легко представить как человека, потому что она приходила «с

опущенной головой», молчит с Игнатьевым «рука в руке»; когда герой отворачивается от нее на бок, она придвигается ближе, своеобразно занимая место жены Игнатьева — «святой женщины». После рождения болезненного Валерика (иронично здесь и имя сына, дословный перевод которого с латинского — здоровый), жена погрязла в уходе за ребенком и сделалась другой: «Измощенное лицо жены опущено. Время давно сорвало розовую пыльцу юности с тысячелетних щек, и ветвистые борозды..» Это послужило одной из причин появления неприятной гостьи в душе. Кроме того, в силу обстоятельств супруги отдалились друг от друга, и у Игнатьева в душе как будто буквально появилось пустое, никем и ничем незаполненное место, которое и заняла Тоска. Заметим, что даже спальное место возле героя, где раньше лежала жена, освободилось для Тоски. Она идёт за ним повсюду: «И пока он спешил, обходя лужи, ускоряя шаг, терпеливо пережидая ревущие реки машин, за ним, затесавшись среди людей, поспешала тоска; то там, то тут выныривала ее плоская, тупая головка.» Отвязаться от нее не было никакой возможности, швейцар пускает ее и в погребок, где Игнатьев традиционно встречается с приятелем. Деталь костюма — «призрачный рукав» — характеризует ее как невидимую и неосязаемую, что не мешает ей всё время находиться рядом с персонажем и ощущаться почти физически.

Живое — антагонист Тоски, у него нет тела или формы, но оно постоянно действует, проявляет себя разными способами на протяжении всего рассказа. Это то, что осталось невредимым после прихода Тоски, не поддавалось её влиянию, не было ею убито. При этом Живое совершает поступки исключительно в светлое время суток под утро либо днём. С Живым в тексте связано и восприятие окружающего мира: Игнатьев видит его живым, воспринимает красоту и поэзию, растворенную в природе: «За окном кухни щебетало летнее утро. Поливальные машины радужными веерами распыляли короткую прохладу, в путаных клубках деревьев попискивало, попрыгивало Живое.», «Липы плескались, перешептывались, сговорились о чем-то, сбивший в зелёную переплетенную кучу, хихикали,..», «Смейся, целуя, живи, недолговечный зелёный городок!».

Интересна антитеза, обозначенная автором текста: Живое — Тоска. Логично, чтобы Живому было противопоставлено неживое, однако Тоска и неживое — не одно и то же. Тоска воспринимается героем как болезнь, от которой хочется избавиться: описание ее вторжения во внутренний город Игнатьева очень похоже на описание бедствия, например, чумы, плюс ко всему Тоска имеет почти осязаемый физический облик, повсюду следует за героем и даже имеет детали костюма. Тогда как Живое скорее никак не воспринимается героем и проявляется намного более разнообразными способами, нежели Тоска: имеет средний род, следовательно не ассоциируется с антропоморфным существом; выходит из «землянок» — множественное число наталкивает на мысль, что это нечто, состоящее из многих сущностей, может многочисленных «жителей» компонентов внутреннего города Игнатьева: «попискивало, попрыгивало Живое.» Тогда противоположное Живому неживое — всё, что поддавалось бедствию Тоски, всё, что было разрушено и убито её приходом. Таким образом, внутренний мир Игнатьева состоит из неживого, убитого Тоской, и Живого — всего, что смогло сохраниться. Эти компоненты внутреннего мира Игнатьева можно назвать душой, словом, которое с неохотой произносят персонажи рассказа.

Тогда, что такое Тоска, является ли она компонентом внутреннего мира или неким инородным вторжением? В статье, посвященной рассказу, Оксана Владимировна Нарбекова характеризует Тоску как болезнь героя. На наш взгляд, нельзя рассматривать Тоску как нечто инородное, а следует считать постоянной частью души. Состояние Тоски абсолютно нормально, ведь болеть может только то, что еще живо. Таким образом, Тоска — не только часть души, но и важный индикатор ее наличия: она неразрывно связана с «Живым», пока есть одно — есть и другое.

Игнатьев не ощущает ценности «обладания внутренними городами» и «яблочными садами сердца», а именно созидательного начала Живого, дающего возможность не только восстанавливать внутренний мир после разрушительных действий Тоски, но и способность видеть в мире красоту жизни. Присутствие

Тоски в жизни он ощущает как досадное препятствие на пути к лучшей жизни, а не как сигнал Живого, призывающего на помощь.

Таким образом живое – одна из составляющих Игнатъевского внутреннего мира, его души. Оно живёт своей жизнью в пределах внутреннего мира персонажа и созидает вопреки разрушениям своего антагониста – Тоски. Живое напрямую связано с природой: ему хорошо тогда, когда на улице светит солнце и зеленеют растения. Оно старается помочь герою любыми доступными способами: хотя бы простыми «детскими» материалами.

Игнатъев, в свою очередь, плохо разбирается в себе, а потому при наличии души с её приятными и неприятными сторонами, он замечает только неприятные: Тоску, которая преследует его повсюду. При этом герой не понимает, что существует и другая часть внутреннего мира - та, что помогает восстановиться после прихода Тоски, и отвечает за положительные качества и чувства.

Так Игнатъев желает избавиться от отягощающей составляющей души и решается на её полное удаление, не осознавая, что вместе с Тоской пропадёт и Живое. Видя, каким стал персонаж, лишившись живой части, мы можем сделать вывод: Живое отвечает не только за внутреннее благополучие героя, но и за его внешнюю культуру: культуру речи, поведения, а также образ мысли и видение мира.

Использованная литература

1. Ефремова, Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. — М.: Русский язык, 2000. — 1084 с.
2. Толстая, Т. Н. Чистый лист — URL:<https://.rulit.me/books/chistyj-list-read-544203-1.html> (20.02.2023)
3. Фаустианские мотивы в рассказе Т. Толстой «Чистый лист» в мире интертекстуального владения/ Колева И.П. URL:<https://cyberleninka.ru/article/n/faustianskie-motivy-v-rasskaze-t-tolstoy-chistyj-list-v-svete-intertekstualnogo-podhoda> (Дата обращения 25.10.2022)